

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

КРОВЬ И
ЧЕСТЬ

КРОВЬ ГЕРОЯ

Издательство СИЛК-ПРЕСС, 2017 год

Илья Деревянко

Кровь героя

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151896
Эксмо;

Аннотация

«Со стороны усадьба выглядела вполне мирной и, невзирая на осеннюю непогоду, очень даже уютной: изящный трехэтажный особняк из белого камня с зеленой черепичной кровлей, добротная кирпичная баня с крытым зимним бассейном, аккуратные хозяйственные постройки, присыпанные гравием дорожки, декоративные елочки... Вся территория внутри ограды старательно прибрана...»

Содержание

Пролог	4
Глава I	7
Глава II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Илья Деревянко

Кровь героя

«Увиливать от службы в российской армии считалось позорным еще 40–50 лет назад. Но общее бездуховное разложение народа привело к распаду личности мужчины. Правда, сегодня времена начали меняться к лучшему».

С. Н. Новохатский. Журнал «Русский дом», 2002, № 9, с. 31.

Все имена, фамилии действующих лиц, а также названия населенных пунктов, увеселительных заведений и т. д. – вымышленные. Любые совпадения случайны.

Пролог

13 октября 2002 г.

Окрестности г. Н-ска.

Со стороны усадьба выглядела вполне мирной и, невзирая на осеннюю непогоду, очень даже уютной: изящный трехэтажный особняк из белого камня с зеленой черепичной кровлей, добротная кирпичная баня с крытым зимним бассейном, аккуратные хозяйственные постройки, присыпанные гравием дорожки, декоративные елочки... Вся террито-

рия внутри ограды старательно прибрана. Ни тебе грязи, ни мусора. В общем – цивилизация. Ни в жизнь не догадаешься, что там творится в действительности! Усадьба добросовестно охраняется. В застекленной будке у проходной дежурит атлетически сложенный, вооруженный секьюрити. Второй, с короткоствольным автоматом на изготовку, совершает регулярные обходы приусадебного участка. Третий, по признанию «языка», засел в мансарде и сквозь оптический прицел контролирует подступы к дому. Но в самом этом факте, согласитесь, нет ничего удивительного. В наше время заказные убийства, похищения с целью выкупа и т. д. (не говоря уж о банальных грабежах и поджогах) больше не считаются чем-то экстраординарным и стали, увы, повседневной реальностью. А милиция, за редкими исключениями, работает малоэффективно. Поэтому люди пытаются защищаться самостоятельно. В меру сил и финансовых возможностей. Короче, все в порядке вещей. С одним лишь исключением. Хозяев данной усадьбы назвать «людьми» довольно-таки затруднительно. Ну, примерно как бешеную собаку – «хорошим песиком». Такие вот дела...

Усилием воли уняв дрожь в теле (холодный, порывистый ветер пронизывал буквально до костей), старший группы спецназа взглянул на часы со светящимся циферблатом. Без пяти четыре утра. Пора начинать.

– Подготовка, – негромко сказал он в рацию, подавая условный сигнал снайперам.

Первый бесшумный выстрел сразил наповал караульного в мансарде. Выронив винтовку, тот молча опрокинулся навзничь. Затем тихо звякнуло пробитое пулей стекло. Голова охранника в будке у ворот разлетелась на куски, заляпав уцелевшие стекла костно-кровяной кашей и ошметками мозгов. Находящийся во дворе автоматчик внезапно споткнулся о невидимое препятствие и уткнулся носом в землю.

– Сектор А – чисто... Сектор Б – чисто... Сектор В – чисто, – с короткими интервалами разными голосами доложила рация.

– Поехали, – скомандовал старший.

Двадцать крепких фигур в камуфляжах (доселе совершенно не отличимых от окружающего ландшафта) пружинисто поднялись на ноги и быстро, не производя ни малейшего шума, двинулись с разных сторон к усадьбе...

Глава I

Несколькими днями раньше,

г. Н-ск.

На город спустились густые сумерки, усугубленные заволокшими небо тяжелыми тучами. В окна барабанил начавшийся примерно час назад нудный мерный дождик. Редкие прохожие на улицах, ежась от промозглой сырости, торопились скорее добраться до конечной цели своего маршрута. По мокрым лобовым стеклам проезжающих автомобилей ожесточенно елозили «дворники». Бездомные кошки и собаки укрывались от непогоды где придется. Неуютный выдался вечерок! Однако в ярко освещенном спортивном зале было тепло и сухо. Пахло кожей, свежими опилками и здоровыми, разгоряченными мужскими телами. Слышались хлесткие звуки ударов. Шестнадцать мускулистых парней с короткими стрижками сосредоточенно лупили руками и ногами подвешенные к потолку боксерские «груши», а также закрепленные на стенах макавари (Неподвижный снаряд для отработки ударов (в первую очередь ногами и локтями). Используется для тренировок каратистов, кикбоксеров и прочих бойцов-рукопашников.). В настоящий момент здесь происходила тренировка старшей группы кикбоксинга, укомплектованной наполовину студентами Н-ского гуманитарного вуза (которому принадлежало помещение), напо-

ловину теми, кто мог оплачивать отнюдь не дешевый ежемесячный абонемент. Кстати, за счет них спортзал и сводил концы с концами. Со студентов ведь много не возьмешь!

За ребятами внимательно наблюдал жилистый сорокалетний мужчина с приятным интеллигентным лицом, одетый в фирменный спортивный костюм. Кандидат исторических наук и одновременно мастер спорта по кикбоксингу Евгений Андреевич Павлов. Он преподавал новейшую историю в вышеуказанном институте, а в свободное от основной работы время тренировал несколько групп кикбоксеров. Ради дополнительного заработка. На преподавательскую зарплату семью нынче не прокормишь!..

Сочные шлепки, влажные пятна пота на хлопчатобумажных футболках, напряженное сопение. Парни добросовестно выкладывались на полную катушку. Цепкий взгляд тренера неторопливо перемещался с одного ученика на другого, профессионально фиксируя мельчайшие нюансы движений каждого.

«Неплохо... Неплохо... Весьма неплохо... Хорошо! – мысленно отмечал Павлов. – О-о-о! Без малого отлично!.. А тут – довольно посредственно. Резкости недостаточно, придется позаниматься индивидуально. А тут...» – неожиданно Евгений Андреевич помрачнел, насупился. Глаза его остановились на высоком, стройном, русоволосом юноше восемнадцати лет от роду, отрабатывающем в настоящий момент связку: фронт-кик (Прямой удар перед собой пяткой ноги.)

в область живота, левым кулаком – прямой в лицо, правым – боковой в челюсть и в завершение мощный апперкот (Боксерский (а также кикбоксерский) удар кулаком снизу. Наносится в болевые центры на корпусе противника или в подбородок.) в солнечное сплетение. «Вундеркинд!.. Фашист проклятый!» – раздраженно подумал Павлов. Русоволосого звали Александр Барятинский. В среднюю школу Саша пошел на год раньше положенного срока, а осенью 2001-го с успехом поступил сразу на 2-й курс Н-ского гуманитарного вуза. В виде исключения. По причине блестящей предварительной подготовки наповал сразивший экзаменаторов. Поэтому вундеркинд. А фашист... Сегодня на семинаре, когда речь зашла о массовой депортации чеченцев (Чеченцев выселили тогда с исторической родины за их практически поголовное пособничество гитлеровским войскам.) в тысяча девятьсот сорок четвертом году, Барятинский, вместо того чтобы осудить «чудовищное злодеяние» и скорбно посочувствовать «несчастливым жертвам тоталитарного режима», резко заявил: «Сталин повел себя как круглый идиот! Вайнахских вырожденков нужно было выселять не в Казахстан, где они расплодились, как кролики в теплом климате, а куда-нибудь за полярный круг, к белым медведям. Тогда бы мы не мучились сейчас головной болью, именуемой «чеченский вопрос».

– Ка-а-ак?! – вознегодовал либерально настроенный преподаватель. – Ты призываешь к геноциду?! Запомни раз и навсегда: не бывает плохих народов, бывают плохие люди!!!

– Это верно в принципе, но абсолютно неверно в данном, конкретном случае, – дерзко возразил студент. – Нохчи (Нохча – синоним слова чеченец.) испокон веков привыкли паразитировать на соседях. У них весь уклад жизни такой. Разбой считается доблестью, честный труд – позором. С другими горцами-мусульманами еще можно кое-как ужиться, но с чеченами... Недаром Алексей Петрович Ермолов писал: «Сего народа нет под солнцем гнуснее, коварнее и преступнее».

– Генерал Ермолов – кровавый палач, позор России!!! – вспылал обычно сдержанный, вежливый Евгений Андреевич.

– Ничего подобного! – отрезал Александр. – Он выдающийся русский полководец, герой войны с Наполеоном. А что касается чеченцев... Гм! Ермолов слишком хорошо знал их подлую сущность. Поэтому и не церемонился (Как историк могу добавить: во время покорения Кавказа в XIX веке Ермолов сражался не только с чеченцами, но и со многими другими горскими народами (например, знаменитый имам Шамиль по национальности был аварцем). Однако ненавидел и презирал Ермолов именно чеченцев. А дальше, уважаемый читатель, делайте выводы самостоятельно!). Нелюдей нельзя усмирить цивилизованными методами. Печально, но факт!

– А зачем вообще нужно было лезть туда с войной?! – недобро сузив глаза, поинтересовался Павлов.

– Да достали они наших своим беспределом! – просто ответил парень.

Постепенно к дискуссии подключились остальные студенты, и... к величайшему огорчению Евгения Андреевича, большая часть аудитории безоговорочно поддержала Бяратинского...

– Ну, прямо копия моего младшего брата-эфэсбэшника, – хмуро рассматривая избивающего «грушу» Александра, одними губами прошептал тренер. – Точно такой же воинствующий шовинист! Даже внешне чем-то похожи... А главное, не только сам с катушек съехал, но и других сбивает с пути истинного. Вот как недавно, на семинаре. Господи! Куда мы катимся?! Не иначе к новому ГУЛАГУ!!! Ох-хо-хо!!! И ничего ты с паршивцем не поделаешь! Ничем на него не повлияешь!

Тоскливо вздохнув, Павлов перевел взгляд на ринг, где проводил бой с тенью двадцатидвухлетний КМС (Кандидат в мастера спорта.) с чеканным профилем, невольно залюбовался его безукоризненной, отточенной техникой, и вдруг в голову Евгения Андреевича пришла одна занятная идея. Бяратинский, помнится, в пылу семинарской полемики, обозвал чеченцев трусливыми шакалами, любящими прятаться за спины женщин, желательно беременных (намек на действия Басаева в Буденновске (Если кто запомнил, то напомним – «джигиты» Басаева в 1995 году использовали в качестве живого щита именно беременных женщин. «Борцы

за независимость» ставили их на подоконники захваченной больницы, просовывали между ног каждой пулемет (или автомат) и стреляли из таких укрытий по нашим военнослужащим.) и не склонными воевать, как подобает настоящим мужчинам.

Ну что ж, пусть встретится в открытом честном поединке с молодым сильным чеченцем и на собственной шкуре убедится в обратном. Дураков надо учить!

– Александр, подойди сюда! – возвысив голос, сурово позвал тренер. – И ты, Рустик, тоже, – дружелюбно кивнул он красавцу-камээсу. Сын крупного Н-ского предпринимателя Беслана Умарова, Руслан не входил в постоянный состав старшей группы, появляясь в спортзале лишь время от времени за особо оговоренную плату (десять долларов в час). Умаров-младший значительно превосходил Александра по технике (Барятинский «дотянул» пока только до первого разряда), да и весил на двадцать килограммов больше. Поэтому предстоящий поединок изначально нельзя было назвать «честным». Однако оскорбленный в лучших чувствах либерал об этом как-то не подумал.

– Ты, Саша, обзывал чеченцев трусливыми шакалами, не способными сражаться по-мужски, – желчно обратился он к тяжело дышащему студенту. – Ладно. У нас в стране свобода слова. Гм, гм!.. Но вот перед тобой чеченец Руслан. Классный боец, между прочим. Готов ли ты с ним сразиться?.. Нет, не на войне. Просто на ринге. Или... слабо?!!

– Готов, – угрюмо проворчал Барятинский. – И нечего меня подначивать. Я прекрасно понял ваш замысел. Увиливать не собираюсь!

– Э-э-э, какой злой! – белозубо рассмеялся Умаров. – Не сердитесь на него, Евгений Андреевич. Мальчик элементарно оболванен путинской пропагандой. «Мочить в сортире». Ха! Ничего страшного: повзрослеет – поумнеет. А я несколько не в обиде. Буду драться вполсилы. Мы, вайнахи, благородный, великодушный народ, а потому...

– Прекращай ваньку валять, – бесцеремонно оборвал его студент. – Знаем мы ваше «благородство»! Насмотрелись за последние две войны. И поблажки твои мне не нужны. Биться так биться. По-настоящему!!!

Павлов задохнулся от возмущения. «Нет, каков мерзавец!!! С ним по-людски, а он... Чуть ли не в лицо плюет, гад! О'кей! Пускай Рустик покажет почитателю палача Ермолова где раки зимуют!!!»

Евгений Андреевич покосился на Умарова. Тот продолжал безмятежно улыбаться. «Большой души человек! Не то что некоторые отморозки!!!»

– Работать двенадцать раундов. По правилам профессионального кикбоксинга, – заледенев глазами, процедил тренер. – Две минуты на подготовку. – И, не удержавшись, ядовито шепнул на ухо Барятинскому: – Мне искренне жаль тебя, Сашок!..

Как и следовало ожидать, бой оказался далеко не равным, больше напоминающим жестокое избиение, Руслан постоянно атаковал и, используя значительное превосходство в весе, буквально задавливал Александра массой. В первых трех раундах Барятинский успел дважды побывать в нокдауне. Лицо его обильно украсилось кровоподтеками. Из рассеченной губы и разбитого носа сочилась кровь. Тем не менее парень не сдавался и изрядно досаждал противнику на контратаках не очень сильными, но точными и болезненными встречными ударами. Умаров, разъяренный упорством «чертова щенка», давно сбросил так умилявшую тренера благостную личину. В темных глазах камээса пылала животная злоба. Красивые зубы хищно щерились. Губы беспрестанно шептали грязные ругательства (слышные, впрочем, одному лишь Барятинскому). В середине четвертого раунда он вновь уложил студента молниеносным хуком (Хук – короткий боковой удар кулаком в боксе и кикбоксинге.) слева. На сей раз Александр приходил в себя гораздо дольше, чем ранее. На счет три к нему вернулось сознание, на счет шесть он медленно поднялся на правое колено, а затем... произошло непредвиденное! На счет восемь Барятинский вдруг резко выпрямился, одновременно всадив правую пятку в корпус стоящего поблизости, самодовольно лыбящегося и намеревающегося

добить «нахала» чеченца.

Выхаркнув воздух, Умаров согнулся, и следующий удар (страшный футс-випс (Футс-випс – удар от себя внешней стороной кулака. (В карате его аналог называют «уракэн»)). Удар очень сильный и хлесткий. Особенно если бить наотмашь или с разворотом.) по уху) наглухо вырубил гордого джигита. Руслан мешком повалился в опилки в глубоком нокауте.

– Считать до десяти будете? – хрипло обратился к тренеру Александр.

– Ты... ты нарушил правила! – выдавил пораженный Евгений Андреевич. – Я... не подал команду «файт» (По современным правилам профессионального кикбоксинга соперники имеют право возобновить схватку лишь после команды «файт» (у боксеров – «бокс»). Правда, если до этого была команда «стоп». Зато по старым правилам (например, в первой половине 20-го столетия) удар можно было нанести без всякой команды, как только колено противника оторвется от пола, что, судя по всему, и собирался сделать Умаров.). Так не честно. Победа не засчитывается!

– Но команды «стоп» нохче вы тоже не подавали, – криво усмехнулся студент. – Политика двойных стандартов, да?! В лучших традициях западной демократии?! Хотя ладно, мне плевать! – Барятинский стянул с себя белую футболку, вытер ею окровавленное лицо, на удивление легко перемахнул через канаты и направился в раздевалку.

– Ты дисквалифицирован! (Здесь наш либерал опять не прав. Дисквалификация спортсмена – исключительная прерогатива судей, но не тренера. Но не тренера!) – крикнул ему вслед Павлов.

Александр ничего не ответил...

Глава II

Сутки спустя.

Окрестности г. Н-ска.

В центре банкетного зала загородного дома Умаровых стоял большой, богато сервированный стол. Весело потрескивали дрова в облицованном мрамором камине. По углам зала горели декоративные (под старину) светильники. В воздухе витали соблазнительные ароматы жареного мяса, лука и различных приправ. За столом вольготно расположились: глава клана Умаровых Беслан Магометович, двое его младших братьев (Казбек и Вахид), сын Руслан, а также девять дорогих гостей из Ичкерии: пятеро мужчин и... четыре женщины! (Согласно мусульманской этике, женщины не должны сидеть за одним столом с мужчинами и тем более есть вместе с ними. Однако современным чеченцам глубоко плевать на любую этику. В том числе на мусульманскую.) Все присутствующие громко чавкали, запивая пищу густым красным вином. Коран, конечно, запрещает употреблять алкоголь, но с наступлением темноты можно. Аллах не видит! (Именно так и рассуждают ичкерийские поборники Шариата. Не верите – спросите у любого русского солдата, побывавшего в Чечне. А если «джигиты» все-таки не пьют, значит, они закоренелые наркоманы. Исключения крайне редки.)

Пирующим чеченцам прислуживали две молодые, краси-

вые украинки с глазами забитых животных. (Домашние рабыни Умаровых Ганна и Олеся.) Они сноровисто убирали со стола огрызки и объедки. Бегом приносили новые блюда. Двигались девушки бесшумно, словно привидения. Не дай Бог, кушать господам помешаешь! Не миновать тогда наказания плетью!

Шло время. Постепенно всеобщее чавканье сменилось сытым рыганьем. Нохчи наелись.

– Хорошее вино! Откуда, а? – указывая на близстоящую бутылку и ковыряя ногтем в зубах, полюбопытствовал старший из гостей, сорокалетний Зелимхан.

– Из Франции. Доставили чартерным авиарейсом по специальному заказу, – самодовольно улыбнулся в пышные усы Беслан Магометович. – Настоящее «Бордо» двадцатипятилетней выдержки. Из частных погребов. Потому, кстати, без этикеток! Такое в магазинах не купишь, даже в заграничных... Тем не менее наше ичкерийское гораздо лучше! – не желая показаться непатриотичным, добавил он и небрежным взмахом волосатой руки приказал рабыням удалиться.

Облегченно вздыхая, те стремительно умчались. Сегодня, по счастью, обошлось без побоев.

Между тем гости утерли засаленные рты и подбородки, отдавая должное вкусной трапезе, одобрительно поцокали языками, наперебой повосхваляли хозяина дома (на это ушло не менее получаса) и, наконец, перешли к обсуждению деловых вопросов.

– Паспорта с постоянной Н-ской пропиской я для вас раздобыл, – сообщил землякам Умаров-старший, – имена, фамилии – новые, но сами документы подлинные. Ни одна легавая собака не придерется. У меня в ГУВД города свой полковник сидит. На высокой должности. Делает все, что скажу. Ручной, ха!

– Но миссия-то у нас особая, – осторожно заметил Зелимхан. – Шуму после будет на весь мир. Как бы не перепугался тогда твой полковник, не побежал в ФСБ с повинной!

– Не волнуйся, не побежит, – фыркнул господин Умаров. – Ментяра у нас на прочнейшем крючке! Год назад, будучи в служебной командировке в Гудермесе, он случайно, по пьяни, попал в руки Саида Ильясова. (Да упокоит Аллах его душу.) А Саид как раз получил задание завербовать крупного милицейского чина на предмет дальнейшего сотрудничества. Ну, прессанули мусорка основательно, убедились, что он слаб духом, и предложили на выбор: «Либо ты убьешь другого русского во искупление вины перед чеченским народом, либо мы тебя прикончим». Трусливый шакал не колебался ни минуты: послушно взял нож да перерезал горло пленному солдату-срочнику. Данный процесс засняли на скрытую камеру, с понтом дали полковнику «отпущение грехов» и организовали липовый побег. Пленочку же переслали сюда, прямиком ко мне. Через месяц вернулся полковник с войны героем, со свеженьким орденом на груди, а дома его «приятный» сюрприз ждет. Видеокассета с той самой

записью. Хе-хе!.. Потолковал я с ментом с глазу на глаз и разъяснил, куда в случае чего попадет кассета. Остальное он понял уже самостоятельно. С тех пор вкалывает на нас, как папа Карло. Причем практически бесплатно. Только иногда, по доброте душевной, на водку даю!

Нохчи бешено расхохотались, икая, всхрапывая и обильно брызгая слюной.

– Итак, с первым пунктом разобрались, – дождавшись, пока соплеменники успокоятся, степенно продолжил Беслан Магометович, – со вторым пунктом тоже порядок: оружия и взрывчатки запасено с лихвой. Хранятся здесь, в усадьбе, в надежном тайнике. Транспорт подготовлен... Теперь непосредственно об операции. Я подыскал две удобные точки на противоположных концах города: дом престарелых и детсад. Охраны там нет, проникнуть вовнутрь не сложно, а будущие заложники не представляют ни малейшей опасности. Ими займутся наши сестры, – Умаров кивнул в сторону симпатичных, раскрасневшихся от вина чеченок, – девочки действуют попарно. У каждой пояс шахида и пистолет-пулемет Стечкина. Пускай заранее сходят туда, осмотрятся на месте... В день «Х» сестры подъедут к намеченным целям на легковушках и, получив по мобильнику команду «Газават», захватывают: Аминат и Сажи русских щенков, Сайта и Айсет старых пердунов. Овладев зданиями, они сгонят всех в одно помещение и выдвинут одинаковые ультиматумы: «Немедленное прекращение войны в Чечне. Начало мирных пере-

говоров с Асланом Масхадовым. Иначе начнем расстрел заложников».

Ну а дальше, – Беслан Магометович гадко осклабился, – дальше поднимается грандиозный шухер! К обоим зданиям стягиваются спецподразделения. Слетаются представители прессы и телевидения. Крик, гвалт, суматоха, прямые репортажи из эпицентров событий... А тем временем вы пятеро спокойненько проникаете на главный объект и реализуете намеченный план.

– Спокойненько?! – недоверчиво приподнял лохматые брови Зелимхан.

– Именно так! – гордо подтвердил господин Умаров. – Ворота перед вами настежь распахнутся! Я сумел подыскать к ним заветный ключик, а мой сын выяснил, где и как его удобнее взять... Эй, Рустик, у тебя все готово? Информации хватает? – грузно повернулся он к отпрыску.

– Да, отец, – хмуро, но почтительно ответил тот.

– Кстати, чегой-то ты совсем грустный?! – обеспокоился Беслан Магометович. – Может, возникли какие-то осложнения? Тогда скажи сразу. На кон поставлено слишком много!!!

– Нет, отец. Осложнений не предвидится, – натянуто улыбнулся молодой чеченец. – Просто... у меня плохое настроение!

– А ты потренируйся, выплесни дурную энергию, отведи душу, – заботливо посоветовал Умаров-старший, – разре-

шаю тебе взять в подвале парочку тренажеров на твое усмотрение! И еще – сегодня можешь использовать их на полную катушку. Даже если сломаются, ругать не стану! Душевное здоровье сына для меня дороже любого имущества!

– Спасибо, отец! – просиял счастливой улыбкой красавец камээс. – Огромное спасибо! Именно это мне сейчас и нужно!!!

* * *

Подвал особняка Умаровых делился на две неравные части. В одной располагался просторный, чистый спортзал с душевой комнатой. В другой (за толстой кирпичной стеной) – небольшая домашняя тюрьма. В нее можно было попасть и прямо из зала (через неприметную, окрашенную под цвет кирпича дверцу), и со двора, пройдя сквозь особый тамбур, замаскированный под погреб. В тюрьме имелось четыре камеры с железными дверями и настоящими сизошными «кормушками», специально оборудованное помещение для пыток и небольшой туалет. В тускло освещенном тюремном коридоре сидел на табуретке дюжий автоматчик в теплом тренировочном костюме и с удовольствием посасывал наби-тую анашой беломорину. Из «кормушек» тянуло тяжелым запахом давно не мытых человеческих тел и резкой вонью переполненных параш. (Туалет предназначался только для охранников, а параша выносили редко, раз в двое суток.)

– Ал-лах Ак-бар, Вуал-ляху Ак-бар! – придурковато лыбясь, бубнил себе под нос обкуренный страж. Жирный, сладковатый дымок клубился в спертom воздухе. Узловатые пальцы свободной руки «джигита» нежно поглаживали лежащий на коленях автомат. – Ал-лах Ак-бар, Вуал-ляху...

– Балдеешь, Махмуд? – внезапно услышал он знакомый голос Руслана и от неожиданности едва не проглотил обмусоленный «косяк».

«Во влип! – испуганно подумал охранник. – Принес шайтан гада ползучего! Теперь неприятностей не оберешься! Может врезать запросто. За нерадивость. Ой-ё-ё-ё!!!»

Крутой нрав хозяйского сына был прекрасно известен всем подчиненным Беслана Магометовича. И по физиономиям им от него нередко доставалось. Ведь это только в теории «на гордого горца никто не имеет права поднять руку», а на практике... Гм! На практике у них всегда прав тот, у кого больше прав. Махмуд внутренне сжался, готовясь, как минимум, к звонкой оплеухе, однако сегодня ему повезло. Умаров-младший нисколько не озаботился вопиющим нарушением устава караульной службы. В настоящий момент мысли Руслана занимало совсем другое. Темные глаза молодого чеченца лихорадочно блестели в предвкушении. Щеки разругались. Розовый язык судорожно облизывал чувственные губы. На высоком, аристократическом лбу блестели бисеринки пота.

– Открой камеру номер четыре, – отрывисто приказал

он. – Отец разрешил мне взять парочку живых «мешков»...
Насовсем!!!

Облегченно вздохнув, охранник вынул из кармана увесистую связку ключей...

* * *

Несколько слов о домашней тюрьме Умаровых и контингенте ее узников. В камере номер один обитало трое рабов молдаван, использовавшихся для тяжелой физической работы по дому. В камере номер два – пять строителей с незадачной Украины. Их Беслан Магометович регулярно сдавал в аренду надежным людям. (За деньги, разумеется.) Означенные граждане бывших союзных республик некогда приехали в Н-ск на заработки, польстившись на щедрые посулы, подрядились обустроить усадьбу Умаровых, ну и угодили в рабство к чеченцам. История вполне заурядная...

Камера номер три предназначалась для тех, за кого рассчитывали получить выкуп. (Сейчас она пустовала.) А в камере номер четыре томились семеро россиян: обыкновенных мужиков-работяг, похищенных прямо в городе с целью дальнейшей перепродажи на Северный Кавказ. Использовать граждан России для работы здесь, в центре страны, господин Умаров не решался. Слишком рискованно. Еще удерут, сволочи! Расхлебывайся потом. Иное дело – гастарбайтеры! Тем бежать некуда, жаловаться некому. Ни докумен-

тов (уничтоженных благоразумным Бесланом Магометовичем), ни тем более регистрации. Нет таковых в природе, и все тут! Кстати, известные читателю Ганна и Олеся жили даже не в тюрьме, а в самом доме, в крохотной, запираемой снаружи комнатке без окон. За девушками лично присматривала жена хозяина – толстая, суровая Халида Джабраиловна. Правда, столь привилегированное положение молодых украинок объяснялось отнюдь не гуманизмом рабовладельцев, а необходимостью соблюдать определенные гигиенические нормы. Нельзя же, в конце концов, готовить пищу, прислуживать за столом, убирать жилые помещения, остро воня парашей! Да и гостям-соплеменникам симпатичных хохлушек частенько подкладывали. В общем, чистыми должны быть. А сыромятная плеть в умелых руках Халиды – надежная гарантия примерного поведения рабынь...

Интерес Руслана именно к четвертой камере объяснялся просто. Будучи разумным, хозяйственным нохчей Умаров-младший понимал – привычных, постоянных рабов гробить не стоит. Пускай дальше вкальвают, пока силы не иссякнут. А транзитные... Ха! Завтра же отцовские нукеры уворуют новых взамен выбывших. Невелика потеря!!!

* * *

Массивная дверь со скрежетом распахнулась. Махмуд щелкнул выключателем. Сидящие на бетонном полу, оброс-

шие узники рефлекторно сбились в кучу, болезненно щурясь от света стоваттной лампочки под потолком. (Обычно камеры вовсе не освещались, Умаровы экономили электричество.) Брезгливо морща породистый нос, Руслан окинул «транзитных» пристальным, орлиным взором. Средний возраст от тридцати до сорока лет, далеко не геркулесовское телосложение, изможденные серые лица, потухшие глаза. Выбирать особо не из кого. Все семеро примерно в одинаковой физической форме. Достаточно хреновой, надо сказать! Ну, ничего, душу отвести хватит. И, главное, никто из них сдачи дать не сумеет. Не испоганит настроение, как вчера проклятый студентка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.